

2. **Паначева, К. Ю.** Разговорный английский в диалогах / К. Ю. Паначева. – Санкт-Петербург: Каров, 2016. – 287 с.
3. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber [et al.]. – Essex: Pearson Education, Limited, 2003. – 487 p.
4. **Carter, R.** Cambridge Grammar of English / R. Carter, M. McCarthy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 973 p.

УДК 811.161.1

А. В. Подоляк

АНТРОПОНИМЫ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу русских пословиц и поговорок, репрезентирующих различные ономастические концепты. Автором было доказано, что антропоним, под которым традиционно понимается любое имя собственное, относится к так называемым универсальным концептам. На обширном паремиологическом материале были выявлены основные типы, формы и семантика личных имен, формирующих мужской ономастикон русского пословичного фонда, особенностью которого является то, что в паремиях личное имя имеет собирательное значение и используется для иллюстрации различных бытовых ситуаций.

Ключевые слова: антропоним, ономастический концепт, пословица, оценочная коннотация, семантика.

Наметившийся в последней четверти XX в. сдвиг гуманитарного знания в сторону антропоцентризма ознаменовался формированием новых дисциплин, нацеленных на изучение человека в многообразии его взаимоотношений с окружающим миром. В последние годы развития лингвистической науки языковая личность с ее культурными и индивидуальными характеристиками изучается с точки зрения концептного подхода, предполагающего, что человек «живет, общается, мыслит, действует в мире концептов» [1, с. 11].

В настоящее время концепт является фундаментальной категорией когнитивистики и лингвокультурологии. Необходимость ее введения обуславливается признанием современными исследователями-лингвистами недостаточности традиционного термина «понятие» в его классической трактовке, а также необходимостью четкого разграничения данных терминов и требованием избежания подмены одного другим, возможной по причине их соотнесенности с процессом познания человеком окружающей действительности [2, с. 80].

Являясь многоаспектным образованием, концепт стал предметом изучения нескольких научных школ. Так, когнитивисты под концептом подразумевают все то, что носитель определенного языка знает, думает, предполагает о каких-то реальных или воображаемых объектах действительности [3]. В частности, П. В. Чесноков трактует концепт как целостное, нерасчлененное отраже-

ние факта действительности [4, с. 93]. Е. С. Кубрякова называет концепт результатом построения информации об объектах и их свойствах [5, с. 90]. Согласно представителям лингвокультурологической школы, концепт – это «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [6]. По мнению Г. Г. Слышкина, концепт представляет собой совокупность средств апелляции к понятию, предлагаемых носителю языка культурой, как накопленное культурное лингвистическое достояние, зафиксированное в лексикографии [7, с. 32–33].

Исследователи выделяют как национально-специфические, так и универсальные концепты, которые являются базовыми не только для представителей отдельной лингвокультуры, но и имеют значимость для всех мировых культур. К универсальным концептам можно отнести и антропоним, под которым традиционно понимается «разряд онимов, а именно, любое имя собственное, которое может иметь человек или группа людей» [8, с. 31]. Данная трактовка позволяет причислять к антропонимам не только личные имена, но и фамилии и прозвища реально существующих или существовавших людей.

Основы ономастики были заложены еще в эпоху классической Античности. Аристотель отмечал условный характер семантики слов, подчеркивая, что имянарекание является продуктом, сопутствующим познанию индивида окружающей действительности. Мыслители эпохи Возрождения начинают объединять имена в категории в зависимости от их значений. В XIX в. появляются первые научные труды по классификации имен, например, работа Джона Стюарта Милля «Система логики силлогистической и индуктивной» и «Введение в логику» Горация Уильяма Джозефа, которые аргументированно доказывали наличие значения у имени собственного, более того, по их мнению, даже более значимое, чем имя нарицательное. В первой половине XX в. ономастика приобрела статус самостоятельной науки во многом благодаря таким ученым, как Б. Рассел, М. Бреаль, В. Брендаль и др. Что касается русской ономастики, то она начинает формироваться в 1960–1980 гг., когда возникают научные школы В. Д. Бондалетова, В. А. Никонова, А. В. Суперанской и др.

В проводимом исследовании мы рассмотрим имя собственное в свете современных научных парадигм. В связи с тем, что антропоним является многомерным конструктом, его изучение не ограничено с точки зрения исследовательских подходов. Цель данной статьи заключается в анализе специфики репрезентации указанного концепта в русских пословицах и поговорках, под которыми мы, согласно Л. Б. Савенковой, будем понимать устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение, используемое для употребления в дидактических целях [9, с. 21].

Выбор именно паремий в качестве предмета исследования детерминирован тем, что пословицы являются одним из главных средств вербализации языковой картины мира, культурно-национальных эталонов, стереотипов, мифоло-

гем и менталитета представителя той или иной лингвокультурной общности [10, с. 233].

Анализ русских паремий на предмет репрезентации в них различных ономастических концептов позволил выделить несколько их типов:

– антропонимы, используемые для идентификации индивида по имени, фамилии, отчеству, псевдониму или прозвищу: *У всякого Матвея своя затея; Как Иван Васин – на все согласен; Толкуй, Фетинья Саввишна, про ботвинью давешну; Акулина Федосевна до чужих ребят милосерда; Я ему про Фому, а он мне – про Ерему;*

– хрононимы, называющие отрезки времени и праздники по церковному календарю: *С Петрова дня – красное лето, зелёный покос; На Илью до обеда лето – после обеда осень; Коли до Ивана (Купала) просо в ложку, то будет и в ложке; Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались на Николин день травой;*

– агионимы, служащие для номинации персонажей Ветхого и Нового Завета: *Ева Адама прельстила, весь род погубила; Живет как у Христа за пазухой; Давид молится да плачет, а Саул веселится и скачет;*

– мифонимы – имена сказочных мифических персонажей: *Баба-яга, вилами нога, весь мир кормит, сама голодна; Соловей-разбойник свистит – себя тешит; В те годы, когда царь Горох с грибами воевал;*

– исторические онимы – аллюзия на реально существовавших исторических лиц: *Приехал Кутузов бить французов; Пусто, словно Мамай прошел; Сколько Гитлер ни крути, а от смерти не уйти; Дмитрий и Борис за город подрались (отсылка к усобице между Борисом Константиновичем и Дмитрием Константиновичем Суздальскими из-за княжеского удела в Нижнем Новгороде в XIV в.).*

В статье «Онимы в русских загадках: традиции и инновации» М. Л. Ковшова отмечает существование литературных онимов, номинирующих персонажей сказок, художественных произведений, кино- и анимационных фильмов, например, *Буратино, Дюймовочка*, активно реализующихся в современных детских загадках: *Уверенный в себе, хоть неумейка, и от природы он большой зазнайка, а ну-ка, угадать его сумея-ка, известен всем под именем ... (Незнайка); Бабушка внучку очень любила. Обновку красную ей подарила. Девочка имя забыла свое. А ну, подскажите имя ее (Красная Шапочка)* [11, с. 17–18]. Однако нами пословиц и поговорок с такими антропонимами, к сожалению, выявлено не было.

Говоря об особенностях функционирования мужских антропонимов в русских паремиях, следует отметить следующее. Во-первых, за именем нет соответствия конкретному человеку, т. к. «собственные имена в паремиях и идиомах осуществляют особую, культурную референцию к пространству культуры» [12, с. 172]. Во-вторых, введение антропонима в пословицу определяется утилитарной целью рифмовки суждения для запоминания: *Мели Емеля, твоя неделя; Федот, да не тот; Не всяк Филя – простофиля; Каков Савва, такова ему и*

слава; Дема, сиди дома! Пляши, Матвей, не жалей лаптей; Нашему Ваньке до женитьбы няньки.

Анализ корпуса русских пословиц и поговорок свидетельствует о том, что наиболее частотным мужским антропонимом, используемым в русских паремиях, является имя *Фома* (118 употреблений): *Горюет Фома, что пуста у него сума; Фома в Москву пришел да скоро и родню нашел; Не бей Фому за Еремину вину; На безлюдье и Фома дворянин; Потужи о себе, а там и о Фоме.* При этом данное личное имя имеет пять производных форм (*Фомище, Фомка, Фомушка, Фомка Фома, Фомушка Фома*), которые также употребляются в пословицах и поговорках: *Фомка вор: на долото рыбу удит; Фомка и на долото рыбу удит; У Фомки пили, да Фомку ж и били; У Фомушки денежки – Фомушка Фома; У Фомушки ни денежки – Фомка Фома; Указкою глупого Фомку не выучишь, ласкою наглого гостя не выгонишь; Один сынище, и тот Фомище.* Однако лишь у полного имени отсутствуют какие-либо оценочные коннотации, тогда как субъективно-оценочные суффиксы производных форм выражают негативное или пренебрежительное отношение либо к человеку, либо к ситуации.

Вторым по частотности употребления является имя *Иван* (98 примеров): *Нет имен супротив Иван, нет икон супротив Никол; Богат Иван – богат и пан; Ни в городе Иван, ни в селе Селифан.* В некоторых паремиях данный антропоним получает позитивную оценку своих качеств или действий, например: *Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал; Горе, горе, что муж Григорий, хоть бы болван, да Иван; Дядя Иван – и людям, и нам.* Однако в большинстве случаев *Иван* предстает глупым, лишенным счастья и удачи, бедным, голодным, а также подверженным вредным привычкам: *Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник; Нет воров супротив Романов, нет пьяниц супротив Иванов; Люби Ивана, а береги кармана; Нашему Ивану нигде нет талану; Крестил поп Иваном, да прозвали люди болваном; Иван в дудку играет, а семья с голоду умирает; Был у меня муж Иван – не приведи Бог и вам.*

Несмотря на то, что имя *Иван* по частоте употребления в паремиях уступает антропониму *Фома*, оно имеет большее количество форм имени (*Иван, Ваня, Ванька, Иванушка, Ивашка, Иванька, Иванович, Иваныч, Иван Андреич, Иван Иванович, Иван Петрович*): *Всякий черт Иван Иванович; Щеголь Ивашка: что ни день, то рубашка; На каждого Ивана своя Марья найдется; Чему Ваня не научился, того Иван не выучит; Шпрехен зи доич Иван Андреич?; Один Иван – должно, два Иван – можно; три Иван – никак невозможно (сказал немец про Ивана Ивановича Иванова); Иванов, как грибов поганых; На Ваньке далеко не уедешь.*

По мнению О. В. Маруневич, антропоним *Иван* в русских паремиях зачастую функционирует не как имя личное, а как неофициальный этноним *русский*. Согласно мнению автора, для конструирования авто- и гетеростереотипов носители той или иной лингвокультуры используют распространенные антропонимы нации: рус. *абдул – татарин, мамед – уроженец Кавказа или Средней*

Азии; фриц – немец; англ. Mask – шотландец, Mick – ирландец, Ahab – араб [13, с. 85].

Проведенный анализ русских пословиц и поговорок, содержащих в себе компонент-антропоним, позволил прийти к следующим выводам. Во-первых, в паремиях личное имя функционирует как в полной форме (*Фома, Иван*), так и в производных (*Фомка, Ивашка, Ванька* и т. д.), имеющих как положительную, так и резко отрицательную оценку. Во-вторых, антропонимы в пословицах имеют собирательное значение и не привязаны к конкретному человеку, обладающему значимостью в русском национально-культурном пространстве. Выбор личного имени детерминирован лишь его созвучностью с поучительной интенцией паремии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ляпин, С. Х.** Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центрконцепта. – Архангельск: Помор. гос. ун-т, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.
2. **Маруневич, О. В.** К вопросу об эпистемологической сущности категории «концепт» / О. В. Маруневич // Философия права. – 2008. – № 6 (31). – С. 80–83.
3. Актуальные проблемы когнитивной лингвистики и концептологии: монография / Е. Е. Дебердеева [и др.]. – Таганрог: Таганрог. гос. пед. ин-т, 2009. – 240 с.
4. **Чесноков, П. В.** О взаимодействии формальных типов языковых и логических построений / П. В. Чесноков // Язык и мышление. – 1967. – С. 88–102.
5. **Кубрякова, Е. С.** Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – Москва: МГУ, 1996. – 350 с.
6. **Воркачев, С. Г.** Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Тр. Кубан. гос. технол. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2003. – Т. 17, вып. 2. – С. 268–276.
7. **Слышкин, Г. Г.** Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 1. – С. 29–34.
8. **Подольская, Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва: Наука, 1988. – 200 с.
9. **Савенкова, Л. Б.** Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Ростов. гос. ун-т, 2002. – 240 с.
10. **Телия, В. Н.** Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
11. **Ковшова, М. Л.** Онимы в русских загадках: традиции и инновации / М. Л. Ковшова // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): материалы Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 24–25 сент. 2020 г. – Кострома: КГУ, 2020. – С. 15–18.
12. **Ковшова, М. Л.** Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. – Москва: ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
13. **Маруневич, О. В.** Концепт «иностранец»: лингвокогнитивный и аксиологические аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / О. В. Маруневич. – Пятигорск, 2009. – 258 л.